

Испанцы придают огромное значение полуденному отдыху — это важнейшая традиция, позволяющая им пообедать в кругу семьи и насладиться общением с близкими. Фламенко и коррида для них — не просто слова, а синонимы образа жизни: они не просто существуют, они умеют жить качественно и со вкусом. Помимо уникального таланта в музыке и спорте, Испания славится своей кухней, вызывающей неизменный восторг.

Мулис не слишком разбирался в музыке или тонкостях корриды, но вот еда его искренне интересовала. Хотя он мастерски это скрывал, многие уже успели раскусить в нём тайного гурмана. Древние винодельческие традиции и классические методы приготовления блюд постепенно привили Мулису, поначалу непривычному к местной специфике, настоящую любовь к испанской кухне. А жизнелюбие испанцев, их умение ценить и воспевать каждый момент, не позволяло им упустить ни одной возможности для праздника. В торжественные дни они облачались в традиционные наряды и предавались ночным гуляньям, сопровождая их изысканными яствами и вином.

— Тушёный рубец, чесночный суп, картофельная тортилья и мадридское рагу, — Рамос сидел рядом с Мулисом и с воодушевлением рассказывал о каждом блюде, на котором задерживался взгляд его друга.

Особой гордостью Серхио было именно рагу.

— Рагу, которое готовит моя мама, — это шедевр, который нельзя пропустить. У неё свой секретный рецепт, это её фирменное блюдо, которым она по-настоящему гордится.

Заметив интерес в глазах Мулиса, он продолжил:

— Подготовка начинается за день до подачи, тушится всё на медленном огне. Каждую порцию готовят в отдельном горшке, а выбор ингредиентов крайне строг. Нут только из Саморы, картофель — из Галисии, курица — из Сеговии, вяленая свинина из Оренсе, говяжий стейк из Шароле. Даже оливковое масло — только высшего сорта из Кордовы.

— Твоя мама получает истинное удовольствие от готовки, — заметил Мулис. Вкладывать столько души в одно блюдо непросто — это требует не только старания, но и искренней любви к кулинарному искусству. — Когда я женюсь, то хочу найти такую же жену, как твоя мама, которая доводит каждое блюдо до совершенства.

Рамос кашлянул и проворчал, деланно сурово:

— Знаю-знаю, привереда ты этакий!

Вот и проявилась его натура. Голос Рамоса прозвучал довольно громко, заставив остальных обернуться.

— Серхио, о чём вы там с Мулисом шепчетесь? — улыбаясь, спросила Паки.

— Да вот, этот парень, Малыш Мулис, говорит, что мамина стряпня — это просто неземное блаженство, а отец — счастливчик. Сказал, что хочет жениться на такой же мастерице, как ты! — Рамос проговорил это с ноткой иронии, особенно выделяя последнее слово, видимо, вспоминая о собственных весьма скромных кулинарных навыках.

Паки с улыбкой посмотрела на Мулиса:

— Как приятно. Если тебе нравится, обязательно ешь побольше. Приходи в другой раз, когда захочешь, я снова для тебя приготовлю.

— Спасибо, тётушка.

— Как же быстро он согласился на приглашение... — пробормотал Рамос.

Хосе и два брата Серхио были удивлены — они не ожидали, что сдержанный Мулис способен на такие слова. В одночасье этот молодой человек стал им гораздо ближе.

— Мулис, попробуй мадридского вина. Оно недавно получило сертификат подлинности, молодое, живое, полное фруктовых и цветочных нот. Хосе любит пить его в сочетании с крепким алкоголем, так более традиционно.

Мулис чувствовал, что вино достойное, но с его слабой головой — куда там! Даже от одного бокала он не смог бы трезвым вернуться в Малагу. Однако отказать главе семьи было невозможно.

— Лучше я выпью за Малыша Мулиса, у него совсем нет головы для спиртного.

Рамос уже потянулся было к бокалу, но отец строго посмотрел на него. Серхио обиженно надулся:

— Но он правда не пьёт.

— Сегодня Рождество, нужно как следует повеселиться. Напьёшься — останешься ночевать, завтра поедешь.

Мириам весь вечер молча наблюдала за братом и Чена Мулисом. Чем дольше она смотрела, тем сильнее убеждалась, что её брат превратился в верного пса. Серхио — любимец семьи, его все балуют, и он привык, чтобы заботились о нём, а не наоборот. С чего бы ему вдруг стать таким внимательным? Весь вечер он не отходил от Мулиса ни на шаг, то поясняя что-то, то загораживая от лишних рюмок — такая горячность. Даже когда он впервые привёл домой

девушку, он не вёл себя так заботливо.

— У меня слабая голова, выпью лишь немного, за ваше здоровье, тётушка и дядя, — Мулис поблагодарил Рамоса за попытку помочь и сам чокнулся с отцом Серхио. Вино оказалось крепким, он едва заметно поморщился, но всё же осушил бокал.

— Мулис, и я с тобой выпью, — поднялся Рене. — Этот непутёвый Серхио наверняка доставил тебе немало хлопот.

— Серхио — очень верный и надёжный друг, для меня честь дружить с ним, — Мулис снова покорно выпил.

Рене хотел было подняться следом, но получил суровый взгляд от своего второго брата — нашего вице-капитана Реала — и послушно сел на место, больше не рискуя проявлять инициативу.

Мулис лишь улыбнулся. Серхио умеет проявлять авторитет?

А Рамос тем временем закипал от досады. Он-то знал, что обычно Мулис не любит пить в компании. На прошлый день рождения тот придумал тысячу способов, лишь бы избежать алкоголя и шумных вечеринок. Почему же сегодня он такой покладистый?

Рамос не понимал характера Мулиса. Тот никогда не делал того, чего не хотел, и не привык идти на компромиссы. Но сегодня, в гостях, когда хозяева так гостеприимны, а Рамос — его лучший друг, как он мог отказаться? Это было бы невежливо. С другой стороны, разве готовность Мулиса рискнуть опьянением — нет, не рискнуть, а гарантированно напиться — не доказывает, как сильно он дорожит дружбой с Рамосом?

Помимо еды, на столе красовался знаменитый мадридский десерт, названный в честь святого Исидора, покровителя города — Святые колечки. Пир удался на славу.

После застолья заиграла музыка, зажглись огни. Хосе и Паки первыми вышли танцевать, за ними потянулись остальные пары. Они велели Мулису не стесняться — началось время всеобщего веселья. Перед тем как уйти танцевать, Рамос получил наказ от родителей хорошо развлечь друга.

Рене и Рене вышли во двор запускать фейерверки. Мулис, чувствуя лёгкое головокружение, прилёг на диван в саду, наблюдая, как Рамос подбрасывает в воздух маленькую Даниэлу, сияя от счастья. Под звуки смеха Серхио Мулис постепенно закрыл глаза.

Поиграв с племянницей, Рамос заметил спящего на диване друга. Передав ребёнка старшему брату, он подошёл к Мулису. Он как раз собирался вытащить его на танцпол, даже если тот не умеет танцевать, но увидел, что Мулис уже крепко спит.

— Ну надо же! Насколько же слабая голова, все веселятся, а ты спишь, просто невероятно, Малыш Мулис!

Рамос был недоволен, но всё же подхватил друга, взвалил на спину и понёс наверх в свою комнату.

Уложив Мулиса на кровать, он снял с него обувь, укрыл одеялом и выключил музыку. В комнате воцарилась тишина, Мулис спал очень спокойно. Без своего обычного холодного и строгого выражения лица его красивое лицо казалось мягче. Рамос засмотрелся и не мог отвести взгляд. Он даже сменил несколько ракурсов, пытаясь найти изъян в этом красивом лице.

— Малыш Мулис, ты что, улыбаешься? — прошептал Рамос, наклонившись к нему.

Не удержавшись, он протянул руку и кончиками пальцев осторожно подтолкнул уголки губ Мулиса вверх. Казалось, тот действительно улыбается.

— А так неплохо, — подумал он. Как было бы хорошо, если бы он всегда был таким.

Увы, стоило убрать руку, как губы возвращались в привычное положение. Рамос, словно расшалившийся ребёнок, снова и снова поправлял улыбку. Пока вдруг Мулис не перехватил его руку и не сжал её в своей.

Рамос замер, едва дыша.

— Ой, Малыш Мулис, прости, я просто шучу!

Посягнуть на лицо Мулиса — это верная смерть! Хотя он давно хотел это сделать, но лезть к спящему — это совсем не в стиле Шуй Е. Рамос, зажмурившись, начал извиняться, но в ответ — тишина. Он приоткрыл один глаз: Мулис по-прежнему спал, и следа пробуждения. Рука Рамоса всё ещё лежала на груди Мулиса.

— Фух, — выдохнул Серхио, чувствуя, что только что избежал неловкости.

— Прости, Малыш Мулис, спи спокойно.

Больше не рискуя шутить, Рамос попятился к выходу и тихо закрыл дверь.

Как только дверь закрылась, Мулис перевернулся на другой бок, лицом к окну, и открыл свои тёмные, глубокие глаза. Хотя хмель ещё не до конца выветрился, он был вполне трезв.

— С ума он сошёл, что ли, Серхио, — спустя долгое время донёсся до комнаты едва слышный шёпот.

Он действительно был пьян и уснул, но годы тренировок и врождённая бдительность заставляли его просыпаться при малейшем прикосновении. Он узнал ауру Рамоса, поэтому, когда тот нёс его наверх, не проснулся. Но когда пальцы Серхио коснулись его лица, Мулис мгновенно пришёл в себя. Осознав всю двусмысленность ситуации, он решил притвориться спящим. Если бы он открыл глаза, обоим было бы неловко. Хотя Мулис редко испытывал подобные чувства, учатившееся сердцебиение подсказывало ему, что сегодня происходит что-то странное.

Рамос веселился с семьёй до полуночи, полный энергии. Но, вернувшись в комнату, он невольно стал двигаться тише. Мулис лежал в той же позе, равномерно дыша. Он спал так спокойно и тихо, что Рамос позавидовал — сам он не смог бы пролежать так долго.

В дверь постучали. Рамос на цыпочках пошёл открывать, боясь разбудить друга.

— Сестра?

— Серхио, Мулис проснулся?

— Нет, он не пьёт, сразу вырубился.

— Тогда ты свободен? Давай партию в маджонг: я, ты, старший и младший брат?

— Так поздно уже, давай не будем.

— Ты полон сил, не мешай Мулису спать. Думаю, сегодня переночуешь со старшим братом.

Не дожидаясь возражений, Мириам увела вице-капитана Реала.

— Почему, сестра? — только к четырём-пяти утра Мириам наигралась и отпустила братьев.

Рамос зевнул. Когда он вернулся в комнату, Мулис уже не спал.

— Всю ночь не спал?

— Угу, — жалобно кивнул Рамос. — Сестра заставила всю ночь играть в маджонг, валюсь с ног.

Он плюхнулся на кровать рядом с сидящим Мулисом.

— Протрезвел? — спросил Рамос, повернув голову.

— Да.

Мулис хотел попросить Серхио отвезти его в Малагу, но, видя его состояние, решил дать ему поспать — садиться за руль в таком виде опасно.

— Тебе не кажется, что моя сестра странная?

— Почему ты так решил?

— Я хотел вернуться сюда спать, а она ни в какую. Сказала, если хочешь спать — иди к старшему брату.

— ...

— Я посплю, а ты делай что хочешь: интернет, еда в холодильнике, в ванной всё новое. Как проснусь — отвезу тебя, договорились?

— Хорошо.

Мулис слегка улыбнулся. Серхио всё-таки понимал его. Спать в дневной одежде Мулис не привык, ему был необходим душ. Мулис направился в ванную, а Рамос, слушая шум воды, обнял подушку и мгновенно уснул.

На следующее утро Рамос отвёз Мулиса в Малагу. В тот момент Мулис понял, что пора получить права — в будущем это сэкономит много времени и не придётся беспокоить друзей.

— Это Рождество стало незабываемым, спасибо, Серхио.

— Надеюсь, это не просто вежливость.

— Конечно, нет.

Рамос обнял друга.

— Мне тоже было очень приятно провести этот праздник с тобой, — добавил он про себя: «Хорошо бы и в следующем году так же». — Передавай привет отцу, в этот раз я не буду заходить.

— Хорошо.

Рамос сел в машину и помахал рукой. Мулис повернул в переулок и, услышав, как машина отъезжает, остановился и обернулся. Может, им всё-таки стоит держать небольшую дистанцию?

Мулис вошёл в квартиру. Толстяка не было — наверное, ушёл в магазин или к друзьям. Он собирался вернуться ещё вчера, но проспал. Надеюсь, старик не один дома. Получив сообщение, он немного успокоился. Позвонив дяде Нели, он узнал, что старик у него в гостях — они рыбачат, жарят мясо и танцуют на площади. Мулис улыбнулся: правильно, пусть общается с друзьями, в одиночестве старик слишком много думает.

Вернувшись, Мулис задумался о правах. И тут его осенило: а были ли права у того, прежнего Чена Мулиса? Вспомнив это, он почувствовал холодок. Он однажды видел фотографию, где Чен опирается на дверцу машины, улыбаясь и показывая большой палец. Об опыте прежнего владельца тела Мулис узнавал лишь из оставленных им вещей. Дневников не было, но важные заметки имелись. Мулис никогда не пытался подражать ему или скрываться, а время его появления — момент возвращения из Сегунды в Реал Мадрид — избавило от лишних вопросов.

В ящике старого Мулиса он действительно нашёл его права. Теперь он понял: часть вопросов отца была вызвана его молчаливостью, а часть — такими вот бытовыми мелочами. Тот умел водить, но после возвращения в Малагу ни разу не сел за руль.

Мулис с самого начала понимал, что не сможет обмануть отца. Родительское сердце видит всё. Но они оба молчали. Никто не верил в абсурд, просто каждый искал оправдания, чтобы принять изменившегося сына.

Некоторые истины слишком ранят. Некоторые вещи должны остаться похороненными внутри. Чен Мулис знал, что отец, пока он спал, тайком рассматривал его ноги. На внутренней стороне третьего пальца правой ноги была крошечная родинка. Никто бы её не заметил, но именно она подтверждала его личность. Он не был самозванцем, и это отрицало невероятные медицинские сценарии о замене лица.

<http://bllate.org/book/18722/1809910>